Сергей Дмитриевич Шелов
доктор филологических наук,
Институт языков и культур им. Льва Толстого,
проректор по научной работе,
руководитель проекта РГНФ (07-04-00241а)

ЭКСПЕРТИЗА НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ В РГНФ: ВЗГЛЯД СНАРУЖИ И ИЗНУТРИ

Настоящие материалы являются попыткой осмысления и обобщения моего более чем семилетнего опыта работы в Российском гуманитарном научном фонде в должности начальника Отдела филологии и искусствоведения и некоторый личный опыт руководителя проектов, поддержанных в том же Фонде. Речь пойдет лишь об одном, но чрезвычайно важном и специфическом аспекте деятельности Фонда, в конечном счете, определяющем решение вопроса о поддержке или отклонении научного проекта, будь то научно-исследовательская, издательская или иная его разновидность, — речь пойдет об организации и проведении экспертизы научных проектов и принятии на её основе адекватного ситуации решения.

Предполагается, что читатель данных материалов имеет представление об основных параметрах и этапах принятия решения о поддержке или отклонении научных проектов, направленных в РГНФ для рассмотрения: об экспертизе первого, второго и третьего уровня, о необходимости двух (а в отдельных случаях — и трех) экспертиз научно-исследовательских проектов, о работе Экспертных советов и их секций, об этапах этой работы. Все эти сведения регулярно публикуются при объявлении очередного конкурса РГНФ в газете «Поиск» (обычно в марте каждого года), в бюллетене «Вестник РГН», на сайте РГНФ (http://www.rfh.ru). Задача данной публикации состоит в том, чтобы выявить ряд спорных или «узких мест» реального функционирования экспертной системы, наметить возможные пути улучшения проектной экспертизы. Автор данной публикации не всегда готов предложить готовые решения далеко не простых вопросов, часть из которых невидима «снаружи», т. е. со стороны научного сообщества, но весьма важна для нормального функционирования экспертной системы «изнутри», а другая часть, наоборот, остается актуальной с «внешней» стороны, т. е. для специалистов и исследователей в ходе выполнения проекта, но почти не заметна с «внутренней» для РГНФ стороны учета всех этапов существования проекта. Некоторые из этих вопросов остаются нерешенными долгие годы. В осуществлении взвешенных (и совсем не обязательно спешных) их решений на благо большей обоснованности и ясности экспертной процедуры, в ряде случаев — даже просто в четком осознании ее объективно трудных и «неудобных» вопросов автор и видит цель настоящей работы[1].

---

[1] Дальнейшее изложение предполагает также, что реальное финансирования проектов, относительно которых уже имеется положительное решение высшей

Нас будет интересовать следующая группа вопросов: 1) «этапные даты» существования проекта и их соотношение с календарными сроками экспертизы и финансирования; 2) степень открытости/закрытости экспертизы проектов и принятия окончательного решения по проекту и степень информированности руководителя о результатах экспертизы и об этом решении; 3) связанное с этими вопросами качество самой экспертизы проектов и решений о поддержании или отклонении проекта по данным экспертизы; в частности, нас будет интересовать степень информированности членов экспертных советов при принятии решения не только о самом проекте, но и о «проектной истории» в Фонде кандидатуры заявителя.

1. Ряд наболевших вопросов касается сроков проведения конкурса, особенно в отношении некоторых видов проектов.

Так, поскольку окончательное решение о поддержке или отклонении проекта принимается Советом фонда во второй половине февраля или в первой декаде марта, реальное финансирование поддержанных проектов не может начаться ранее марта-апреля текущего года. Не будем перечислять и обосновывать все необходимые для этого этапы как работы Фонда, так и бухгалтерии соответствующих организаций (так, только в Фонде необходимы: подготовка, выпуск и учет подписанных приказов, уточнение всех необходимых реквизитов организаций, составление и подписание платежных поручений, работа с казначейством и т. п. — все это только со стороны РГНФ и только **после решения Совета Фонда)**, скажем лишь в этой связи, что реальное получение средств руководителем **в конце марта и даже в апреле — большая удача**.

Такова ситуация «внутренняя», если смотреть на нее со стороны Фонда. Если смотреть на нее «извне», со стороны руководителя проекта, планирующего, скажем, проведение в феврале или в марте конференции, которая своей датой жестко привязана к какой-нибудь годовщине именно в феврале или в марте (например, круглая дата рождения или смерти философа, историка, филолога), то ситуация из неважной,

инстанции Фонда, осуществляется **в нормальном (штатном) режиме поэтапного и своевременного поступления средств**, что чрезвычайно важно для экспертизы, например, отчетов по проектам. Однако этот режим зависит не только и не столько от РГНФ и, в частности, предполагает своевременность извещения РГНФ о необходимых изменениях в порядке и условиях финансирования, если решения о таких изменениях приняты соответствующими Государственными структурами (например, Министерством финансов). К сожалению, режим этот далеко не всегда соблюдается. При этом следует учитывать, что, хотя в документах РГНФ указывается, что «финансирование проектов производится… по мере поступления в Фонд бюджетных ассигнований из Министерства финансов РФ» (цитата из «Положения о порядке финансирования и проведения работ по проектам, поддержанным РГНФ»), чисто психологически, для руководителей научных проектов и для членов их коллективов, ожидающих «свои кровные», если и не виноватым, то уж «крайним» всегда оказывается задерживающий финансирование научный фонд. Однако подобные вопросы взаимодействия фонда «с внешней средой» останутся за рамками настоящей работы.

но терпимой превращается в отчаянную: ряд проплат необходимо провести за недели до начала конференции, а **средств нет и не будет некоторое время даже после окончания конференции**. В рамках существующего календаря проведения конкурсных работ это затруднение неразрешимо: более раннее решение Совета фонда невозможно, ибо его сдерживает незавершенность проведения экспертизы, а ускорить проведение экспертизы в Экспертных советах практически также невозможно (о чем будет сказано ниже). Теоретически остается два возможных выхода: организовывать отдельное, опережающее, рассмотрение проектов организации научных мероприятий, завершающееся отдельным заседанием Совета Фонда, или сдвигать весь календарь проведения конкурса на более ранние сроки.

Правильным решением здесь, по моему убеждению, не требующим дополнительных усилий и финансовых затрат, является **перенос окончательной даты подачи проектов на более ранний срок** — с 30-го сентября на 10-е сентября или даже еще раньше — на 30-е августа, что означает фактический перенос срока начала конкурса на более ранние даты. Ссылки на то, что подобные сроки нереальны, так как еще не кончился период летних отпусков, что предстоит начало нового учебного года с его согласованием расписаний преподавательской работы и т. п., мне представляются неубедительными: срок окончания — это всего лишь последняя дата подачи проекта, на которой никто не настаивает. Если она кому-то неудобна, пожалуйста, подавайте заявки в августе, июле, июне, даже в мае. Но подумать об этом надо заранее, вот и все. Конечно, для реализации такого решения **в первый раз** нужна известная административная воля, и особые меры дополнительного и предупреждающего информирования, так как очень сильна инерция и привычка ранее устоявшихся сроков. Однако новые сроки проведения конкурса уже в последующие годы не должны вызвать никаких затруднений, а без более ранних сроков окончания подачи проектов целый ряд наболевших вопросов (и не только относительно проектов организации научных мероприятий) принципиально неразрешим.

Более частный и локальный характер носит вопрос о сроках проведения единственного фактически круглогодичного конкурса участия российских ученых в зарубежных научных мероприятиях.

Напомню, что срок представления отчетов по поддержанным проектам этого конкурса — это всегда один месяц со дня окончания зарубежной конференции, конгресса и т. п. В частности, это означает, что отчет по конференции где-нибудь, скажем, в США, которая состоялась, например, с 26-го по 29-е декабря, ее участник и руководитель соответствующего проекта официально может направить лишь 29-го января (по всем другим видам конкурсов, кроме данного, срок представления отчетов до 15-го декабря!). Если допустить, что такой отчет может быть направлен в РГНФ по почте, скажем, из Иркутска или Хабаровска, то его получение вполне вероятно лишь к сроку заседания Совета Фонда, когда все экспертизы и все связанные с ними решения должны быть уже приняты! Может случиться также, что тот же руководитель подал заявку на финансирование научного проекта в новом

году, решение о поддержке или отклонении которой должно приниматься, согласно букве и духу работы Экспертных советов, с учетом его же отчета по проекту участия в зарубежной конференции. Но где же взять время на экспертизу и учет того, чего пока нет, но что по всем календарным планам должно быть уже давно сделано? Сейчас подобная коллизия разрешается посредством личных настоятельных просьб сотрудников Фонда об ускоренном представлении отчетов, об использовании для этого электронной почты и соответствующими обязательствами и встречными мерами грантодержателя. Однако опыт показывает, что подобные договоренности — вещь слишком хрупкая; удобная, таким образом, «снаружи», т. е. для научного сообщества; либеральная возможность круглогодичного пользования возможностью поехать с научными целями за границу сталкивается с практической невозможностью ее реализации в конце года в рамках реальной календарной дисциплины «изнутри», т. е. в рамках прописанных условий выполнения проекта данного вида.

Конечно, подобная ситуация случается крайне редко, но ведь закон на то и закон, чтобы охватывать всевозможные случаи. У нас **нет готового решения** вопроса, как можно было бы изменить ситуацию к лучшему и согласовать «внешний» и «внутренний» подход к проблеме. Во всяком случае, одним из возможных решений мог бы стать явно оговоренный в условиях конкурса **отказ от рассмотрения проектов этого вида для научных мероприятий, заканчивающихся позднее 15-го ноября.**

2. Представления о степени открытости/закрытости экспертизы проектов и принятия решения на этой основе могут существенно разниться — от приверженности к полной конфиденциальности этого процесса до веры в необходимость его абсолютной прозрачности и открытости. С «внутренней» точки зрения, исходящей только из ведомственных интересов Фонда, чем более закрыта экспертиза проектов, тем в известном смысле «лучше»: нет необходимости каких-либо дополнительных извещений и разъяснений для направивших заявки руководителей, нет опасности вступления в возможную длительную и малоприятную переписку и т. п. Если проект поддержан, руководитель-заявитель, естественно, доволен; если нет, то извините — как говорится, не получилось. Но в том и другом случае факт решения не подлежит не только обсуждению, но и какому-либо обоснованию. И все бы хорошо, если бы не интересы самих руководителей. Автору этих слов в случае отказа в финансовой поддержке проекта приходилось неоднократно от них слышать: «Сергей Дмитриевич, я все понимаю — конкурс, но вы просто скажите, что не понравилось: я постараюсь до следующего года исправить, доработать...» Стремление руководителя узнать экспертные оценки его проекта понятно: это и желание «обратной связи» с будущим потенциальным читателем и потребителем проекта (ведь экспертизу проводят-то специалисты!), это и надежда на получение средств, если не с первого, то хотя бы со второго раза (такое ведь тоже бывает), это и просто необходимость получения совета. В то же время вся информация, по условиям конкурса, должна быть строго конфиденциальна. Как же быть?

Представляется, что на самом деле **единственное непременное условие конфиденциальности — это тайна личности эксперта**.

Сколь бы похвальна или, наоборот, критична не была оценка эксперта, сам он должен оставаться incognito — иначе, увы, процедура экспертизы вырождается в лучшем случае в полемику с не самыми для нее благоприятными фоновыми условиями получения или неполучения одной из сторон материальных средств, в худшем — в процедуру сведения счетов. Именно поэтому автор этих строк не был вполне согласен с внешне эффектной практикой опубликования (хотя и общим списком) поименно всех экспертов первого уровня — членов экспертной системы Фонда. Эта практика, во-первых, закрывала возможности оперативного подключения новых членов экспертов первого уровня для нового конкурса, которое может возникнуть в связи с его специфическими требованиями, во-вторых, она предоставляла руководителям проектов хорошие шансы «вычислить» потенциальных экспертов своих работ (причем ошибочные «вычисления» могли приводить к последствиям еще худшим, чем точные). При этом не следует опасаться **догадок руководителя о личности потенциального эксперта**: при строгой конфиденциальности этого аспекта экспертной работы **догадка** — даже и справедливая — **пусть ею и останется**.

Однако **все остальные параметры работы экспертов первого уровня в принципе могут быть раскрыты**. При этом отнюдь не считаю, что нужно немедленно и полностью обнародовать соответствующие данные уже сейчас, однако уверен, что некоторые осторожные шаги в этом направлении были бы крайне полезны уже сегодня.

2.1. В частности, имеются случаи недопущения поданных проектов на конкурс по формальным основаниям, о причинах которых руководителей в высшей степени желательно извещать. В настоящее время они чаще всего получают типовое извещение о том, что «проект не поддержан», в ряде случаев наравне с проектами, получившими иногда не просто положительные, но и очень высокие оценки. При такой ситуации один и тот же нерадивый руководитель проекта (например, разработки учебника или учебного пособия) может подавать свою заявку на конкурс научно-исследовательских проектов из года в год и еще и обижаться на Фонд за его пристрастность!

2.2. Не считаю утопичной и идею сообщения заявителю двух (или в редких случаях — трех) оценок, выставленных экспертами первого уровня. Такое сообщение могло бы ориентировать исследователя либо на отказ представления данного проекта на конкурс в следующем году (если итоговая сумма двух оценок низкая и меньше, скажем, восьми баллов), либо, наоборот, побудить его не отчаиваться и попытаться **снова представить тот же проект на конкурс**, если эта сумма высокая и не меньше, скажем, девяти баллов. Предвижу возражение: обнародуя оценки, Фонд может оказаться в неловком положении при отказе поддержать проект, набравший девять или десять баллов из десяти. Не соглашусь с этим. Да, такие случаи нередки, но ведь на заседаниях Совета Фонд сам же, не ссылаясь на конкретные фамилии, об этом и сообщает (через сообщения председателей Экспертных советов), объясняя ситуацию, как правило, квотными ограничениями. Это — во-

первых. Во-вторых, высокая оценка проекта экспертами первого уровня может служить хоть и небольшой, но все же «моральной компенсацией» заявителю за неудачу. В-третьих, как правило, вымученный отказ поддержать очень хороший проект обычно запоминается членами Экспертных советов и, хотя и ничего не гарантирует, все же создает в целом «режим наибольшего благоприятствования» при рассмотрении такого проекта в последующие годы. Наконец, в-четвертых, самое важное — остается в силе условие, которое в объявлениях о конкурсах звучит так: «Мотивы отклонения заявки авторам **не сообщаются**», что по-прежнему гарантирует Фонду право не обосновывать отказ в финансировании проекта с высокими экспертными оценками.

Как кажется, оба предложения не являются чрезвычайно сложными в практическом воплощении (вплоть до использования штампа «ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА ПРОЕКТА ЭКСПЕРТАМИ» с проставлением соответствующей оценки) и не требуют новых больших трудовых затрат. В некоторой перспективе не исключаю и ознакомление руководителей проектов с полным текстом экспертизы, хотя в настоящее время экспертная практика к этому не готова.

3. Наконец, что можно было бы сделать уже сейчас для улучшения качества самой экспертизы проектов? Полагаю, что наибольшее значение имеет экспертиза первого уровня, которая является основой массива всех экспертных оценок проектов и которая, в целом, задает «проходной» и «полупроходной балл». При том что экспертиза второго уровня имеет полное право поставить под вопрос, оспорить любые из уже выставленных оценок и даже, считая их несостоятельными, не принять во внимание и направить проект на дополнительную экспертизу, все же члены Экспертных советов работают исходя из высокого уровня доверия к оценкам своих коллег — экспертов первого уровня. Без такого доверия и опоры на фундамент всего массива имеющихся экспертных оценок проведение экспертизы только силами 20—30 членов Экспертных советов было бы совершенно невозможно. В этой связи именно на стадии экспертизы первого уровня важно в первую очередь искать некоторые резервы улучшения экспертной работы.

3.1. Практика показывает, что, как только у эксперта имеются строчки формы или бланка для «свободного изложения» оценки, ничто не мешает ему породить в качестве экспертизы нечто вроде следующей сентенции: «Проект глубоко продуман. Заслуживает безусловной поддержки». Возможность проверки, верификации этого высказывания близка к нулевой, а фактически при такой экспертизе проект в виде «кота в мешке» уже становится реальным претендентом на дорогое квотное место.

Одна из имеющихся здесь возможностей улучшения ситуации — достижение бóльшей скоординированности содержательных параметров проекта, которые на стадии заявки обязан раскрыть руководитель проекта в специальных формах, с той формой оценки проекта, которой руководствуется сам эксперт. Так, например, важнейшая для описания научно-исследовательского проекта форма 4а «Содержание научно-исследовательского проекта» содержит следующие пункты (приводятся без двух последних):

4.1. Научная проблема, на решение которой направлен проект.
4.2. В чем конкретно состоит актуальность проблемы для данной отрасли знаний.
4.3. Конкретная задача в рамках проблемы, на решение которой направлен проект.
4.4. В чем конкретно состоит новизна поставленной задачи.
4.5. Предлагаемые методы и подходы, общий план работы на весь срок выполнения проекта и ожидаемые результаты.
4.6. Ожидаемые в конце 2008 г. конкретные научные результаты.
4.7. Планируемые на 2008 г. содержание и объем работы каждого исполнителя проекта.
4.8. Современное состояние исследований по данной проблеме, основные направления исследований в мировой науке.
4.9. Имеющийся у коллектива научный задел по проекту.
4.10. Список основных публикаций коллектива, наиболее близко относящихся к предлагаемому проекту.

Но тогда было бы естественно ожидать в тех же терминах и позициях и оценку проекта экспертом первого уровня. Иными словами, каждый из десяти пунктов должен требовать «оценочную реакцию» со стороны эксперта. Более того, эта реакция могла бы выражаться пятибалльной шкалой оценки того, насколько убедительно раскрыт каждый пункт (ясно, что разные проекты могут быть сильны разными п. п. данной анкеты). При этом каждый из них может оставлять место для свободного положительного или отрицательного комментария эксперта, который эксперт может написать, а может и не написать. Однако **числовая оценка каждого пункта экспертной анкеты** придает всей экспертизе большую весомость и обоснованность и в целом либо подтверждает, либо противоречит итоговой оценке проекта экспертом (в последнем случае Экспертный совет, помимо недоверия к самой экспертизе, может сделать обоснованные выводы о квалификации и добросовестности самого эксперта первого уровня).

Аналогичные предложения распространяются и на формы других видов проектов, содержащие аспекты, которые могут подлежать оценке эксперта. Еще более важно, что та же тактика сближения форм может быть применима **и для отчетных материалов**, а стало быть, она может в известной мере объективировать и экспертизу отчетов, которая является исключительно прерогативой экспертов второго уровня.

3.2. Некоторые процедурные усовершенствования возможны и для экспертизы второго уровня. Так, при жесткой конкуренции сильных проектов не последнюю роль играет история других проектов того же руководителя. Здесь важны и частота поддержки/отклонения его проектов, и итоговые оценки ранее поддержанных проектов, и степень общности/различия прежде поддержанных и завершенных проектов с рассматриваемым и т. п. Сейчас подобная информация используется весьма спорадически, от случая к случаю. Полагаю, что было бы крайне целесообразно предоставлять ее членам Экспертного совета столь же обязательно, как и собственно оценки рассматриваемого проекта. Разумеется, подобными сведениями целесообразно снабжать только те проекты, которые заведомо оценены достаточно высокими оценками

экспертов первого уровня (скажем, не ниже восьми баллов из десяти) и обладают известными шансами их финансовой поддержки.

В заключение следует отметить, что сложившаяся за долгие годы экспертная система РГНФ в целом представляет собой уникальный по организационным возможностям и совершенно незаменимый по объективности инструмент принятия решения о финансовой поддержке научного проекта. Весьма положительно зарекомендовала себя и лежащая в ее основе идея «трехъярусности», при которой, скажем, эксперты первого уровня выносят оценочные суждения, но не принимают окончательного решения, а эксперты второго уровня работают только с проектами и уже имеющимися оценками, но не имеют права сами выставлять оценки.

Автор убежден в необходимости бережного и, если угодно, заботливого отношения к каждому участвующему в работе эксперту, независимо от того, какой объем работы выпал на его долю в текущем конкурсе. О масштабах экспертной деятельности Фонда свидетельствует приведенная на сайте РГНФ соответствующая решению Совета РГНФ от 10.11.2006 г. следующая цитата: «Совет Российского гуманитарного научного фонда отмечает заметный рост числа заявок на конкурсы Фонда: на конкурсы 2007 г. (по состоянию на 2 ноября с. г.) поступило 6672 заявки (на конкурсы 2006 г. — 6240 заявок)». Это означает, что только при рассмотрении новых проектов 2007 г. было проведено не менее 10 000 экспертиз!

Жесточайшая необходимость получения в течение приблизительно полутора месяцев и, соответственно, 30 рабочих дней в ноябре и декабре такого огромно количества правильно оформленных экспертиз (обратите внимание на сроки — конец года!) от сотен и сотен докторов наук (обремененных, как правило, собственными отчетами и экзаменационными сессиями в ВУЗах!) в далеко не комфортных условиях работы — все это превращает процедуру получения проектных экспертиз в полувоенную акцию, успех которой зависит от работоспособности и выносливости и экспертов, и сотрудников Фонда, от оперативности и преданности последних и их умения создать условия хотя бы психологического комфорта. Конечно, экспертная работа является оплачиваемой, но это обстоятельство отнюдь не меняет абсолютной уникальности и драгоценности самого созданного и регулярно обновляемого экспертного коллектива.

Наши предложения, как мы надеемся, могли бы, не нарушая основ сложившейся практики и не требуя значительных финансовых ресурсов, способствовать ее улучшению, причем многие из сделанных предложений было бы значительно легче реализовать при допустимости подачи электронных форм заявок и электронных форм отчетов. Во всех случаях автор считал бы свою задачу выполненной, если бы настоящая публикация привлекла внимание к вопросам экспертизы научных проектов в государственных научных фондах.